

6. *Нагорная, А. Г.* Проект «Россия-Беларусь: Война. Память. Семья» как средство формирования патриотического сознания студенческой молодежи / А. Г. Нагорная // Международный научно-исследовательский журнал. — 2023. — № 3 (129). — С. 44.

7. Парламентское Собрание Союза Беларуси и России рекомендовало создать программы по пропаганде семейных ценностей // Парламентское собрание Союза Беларуси и России. — URL: <https://belrus.ru/info/ps-soyuza-belorussii-i-rf-rekomendovalo-sozdat-programmy-po-propagande-semejnyx-cennostej/> (дата обращения: 20.06.2026).

8. Усыновление в годы войны: подборка публикаций газеты «Красная Башкирия» (февраль — июнь 1942 г.) / сост. Р. Г. Кузеев. — Уфа : Башкир. книж. изд-во, 1985. — 112 с.

9. *Шипицына, Л. М.* Психология детей-сирот : учеб. пособие / Л. М. Шипицына. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2020. — 256 с.

*О. С. Бочарова, кандидат юридических наук, доцент
В. Ю. Омельяненко, выпускник
Филиал РГСУ в г. Минске*

ПОЛИТИКА ВРЕМЕНИ: ПОЧЕМУ ПРОШЛОЕ СТАНОВИТСЯ ГЛАВНЫМ ПОЛЕМ БИТВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Историческая память перестала быть уделом архивов и музеев. Сегодня она — мощнейший политический инструмент, рычаг легитимации власти и оружие массового поражения общественного сознания. В условиях, когда линии между историей, памятью и коммеморацией стираются, прошлое все чаще становится полем битвы за идентичность и геополитическое влияние [10].

Политология рассматривает «политику памяти» как целенаправленную деятельность государства по конструированию и внедрению образов прошлого для укрепления легитимности режима. Как отмечает глава ВЦИОМ В. Федоров, «исторической политикой “болеют” в основном государства новые, не вполне устойчивые, которые ищут основания фундаментальные, железобетонные для своей идентичности» [1]. Это характерно для стран Восточного блока, включая Польшу, Украину и Румынию, где после смены геополитической принадлежности потребовалось переосмыслить прошлое, чтобы обосновать политику настоящего [1].

А. А. Рязанцев подчеркивает, что на постсоветском пространстве символическая политика с компонентами исторической памяти и мифологии стала одной из составляющих процесса усиления состоятельности государства. Поскольку новые государства (Украина, Молдова, Грузия, страны Прибалтики) провозгласили ценности либерального порядка, но не имели устойчивых культурных корней, им потребовалось создать «политическую мифологию» в борьбе за власть и статусные позиции в ней [7, с. 33–34], где «делается ставка на политические технологии постправды, когда апелляция к историческим рефлексиям и эмоциям, к личной вере дает больший эффект и политические дивиденды, чем обращение к объек-

тивному историческому анализу» [7, с. 34]. В основе этой мифологии часто лежат конструкции, где нравственным и политическим злом выступает Россия, что позволяет новым элитам дистанцироваться от советского прошлого [7].

Основными инструментами реализации политики памяти являются информационные и культурные средства: новые учебники, памятники, кинофильмы и музеи [1]. Эти инструменты позволяют формировать у граждан устойчивые стереотипы и шаблоны восприятия истории [7].

Ярким примером служат коммеморативные практики в Прибалтике. Так, в Риге и Таллине были учреждены Музеи оккупации (советской «оккупации»), а в Вильнюсе основан Музей геноцида [7, с. 36]. Отличительной чертой символической политики прибалтийских режимов стало введение уголовной ответственности для граждан этих государств за публичное отрицание «советской оккупации» (1940–1991 гг.), что подкрепляет концепт «ресентимента» — «сублимации чувства неполноценности конкретных этносов и перенос этого чувства озлобленности и враждебности в политику» [7, с. 36].

В свою очередь, в Беларуси и Казахстане политика памяти о Великой Отечественной войне строится через персонализацию героического нарратива. Для Беларуси центральным нарративом является «партизанская республика», для Казахстана — «арсенал фронта», что подчеркивает вклад каждой республики в общую Победу, сохраняя при этом элементы советской коммеморации [3]. При этом «общей константой для данных республик в формировании национальных политик памяти о войне, как в советский, так и постсоветский периоды, является обращение к героическим победам советских солдат, партизан, мужеству и стойкости тружеников тыла» [2, с. 60]. Однако даже здесь исследователи фиксируют фрагментарную ревитализацию культурной травмы, а также активное внедрение цифровых технологий для трансляции памяти [2; 3].

Современная политология фиксирует явление «вооружение коллективной травмы» (Weaponising Collective Trauma). Согласно исследованию, проведенному в Cambridge Journal of Political Affairs, государства используют историческую память для мобилизации общественной поддержки и легитимации военных действий [11]. В работе приводится сравнение России и Израиля: несмотря на различные исторические и географические контексты, обе страны прибегают к схожим стратегиям конструирования нарративов «национализма жертвы» (victimhood nationalism) [11]. Авторы исследования подчеркивают опасность искажения исторических нарративов и превращения травмы в оружие в других геополитических условиях: используя теорию власти и дискурса М. Фуко, государственные медиа манипулируют разделяемым знанием, чтобы влиять на поведение общества [11].

Одной из самых горячих точек столкновения исторических нарративов являются отношения Польши и Украины. В центре этого конфликта — события 1943–1945 гг., известные как «Волынская резня», которая для Польши является геноцидом польского народа. Сегодня спор стал не только историческим, но и политическим, осложняя отношения двух восточноевропейских союзников: «в связи с украинскими событиями в настоящее время поляки испытывают не только страх перед Россией (как об это свидетельствуют социологические опросы), но и неприятие роста национализма на Украине» [5, с. 54].

В польском общественном дискурсе Волынская резня занимает особое место. События описываются как этническая чистка, осуществленная Украинской повстанческой армией (УПА) против польского гражданского населения. По оценкам одного из наиболее авторитетных исследователей проблемы, польского историка Г. Мотыки, число жертв среди польского населения достигало 100 тыс. человек [6, с. 274]. Для польской стороны принципиальное значение имеет не только признание факта, но и право на эксгумацию и достойное захоронение жертв. Польско-украинский исторический спор вокруг Волыни демонстрирует, как трагические события прошлого могут превращаться в политический инструмент настоящего.

Дневники, письма, мемуары оказывают влияние на осмысление Великой Отечественной войны, поскольку они одновременно фиксируют «боль войны» (индивидуальный травматический опыт участников) и выступают «силой памяти», формирующей и трансформирующей нарративы и современную мемориальную политику [4, с. 2288]. С уходом последних живых свидетелей Второй мировой войны историческая память переходит в стадию «постпамяти» — воспоминаний, переданных через поколения и культурные артефакты, что делает историю более уязвимой для манипуляций, так как она превращается в контент [4].

Выход из тупика конкурентных нарративов исследователи видят в «дипломатии памяти» и совместных исторических комиссиях. Однако, как показывает опыт франко-германского учебника, локальный успех таких проектов не может конкурировать с силой национальных нарративов [10]. Политолог М. Хейслер в фундаментальном труде «The Politics of History in Comparative Perspective» отмечает, что столкновение самоощущения двух групп в одном нарративном пространстве требует сложной работы по признанию чужих травм, что в условиях геополитической конфронтации становится почти невозможным [10].

Историческая память — это силовой кабель, по которому передается энергия нации. Манипулировать им легко, но последствия манипулирования непредсказуемы. Как пишет политолог Н. Самсонова, работа с травмой возможна через модели «проработки», а не забвения или квазирепрезентации: «механизм преодоления исторической травмы включает в себя два этапа травматического перевода: интерпретации и репрезентации, а также ряд механизмов перехода с уровня индивидуального на уровень коллективного субъекта. Первая фаза перевода сопряжена с анализом эмпирических материалов, содержащих прямые (исторические доказательства) или косвенные (художественные материалы) свидетельства о травме, а также их расшифровку для выявления собственно травмирующего начала. Вторая фаза подразумевает репрезентацию полученной от носителя и ранее расшифрованной информации о травматическом эпизоде и имплементацию полученной конструкции в коллективную идентичность высшего уровня» [10, с. 69]. Здоровое общество — это общество, способное выдерживать сложность своего прошлого, не использовать кости предков для оправдания ошибок современности и видеть в истории другого не угрозу, а повод для диалога.

Список использованных источников

1. Во ВЦИОМ рассказали о войне с помощью «исторической политики» // Говорит Москва. — URL: <https://govoritmoskva.ru/news/273112/> (дата обращения: 20.06.2026).

2. Грибовод, Е. Г. Политика национальной памяти на постсоветском пространстве: подходы и практика / Е. Г. Грибовод, Д. М. Ковба, Я. Ю. Моисеенко // Дискурс Пи. — 2019. — № 2 (35). — С. 28–41.
3. Ковба, Д. М. Особенности формирования и реализации политики памяти о Великой Отечественной войне на постсоветском пространстве / Д. М. Ковба, Е. Г. Грибовод // Дискурс Пи. — 2020. — № 2 (39). — С. 59–77.
4. Козлов, С. В. Боль войны и сила памяти: политика памяти и эго-документы о Великой Отечественной войне / С. В. Козлов // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2025. — № 18. — С. 2286–2296.
5. Лыкошина, Л. С. Волынская трагедия в общественном дискурсе современной Польши / Л. С. Лыкошина // Актуальные проблемы Европы. — 2017. — № 3. — С. 40–60
6. Мотыка, Г. От волынской резни до операции «Висла»: Польско-украинский конфликт 1943–1947 гг. / Г. Мотыка. — М. : РОССПЭН, 2014. — 336 с.
7. Рязанцев, А. А. Особенности процесса формирования и реализации символической политики на постсоветском пространстве: кейсы режимов памяти / А. А. Рязанцев // Вестник Поволжского института управления. — 2024. — Т. 24, № 5. — С. 31–38.
8. Самсонова, Н. Н. Механизмы преодоления исторической травмы: основные исследовательские подходы / Н. Н. Самсонова // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2021. — № 3. — С. 69–77.
9. Фуллер, С. Постправда: Знание как борьба за власть / С. Фуллер ; пер. с англ. Д. Кралечкина ; под науч. ред. А. Смирнова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2021. — 368 с.
10. The Politics of History in Comparative Perspective / ed. M. O. Heisler // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. — 2008. — Vol. 617. — P. 1–236.
11. Weaponising Collective Trauma: The Case of Russia and Israel / J. Kalstein [et al.] // Cambridge Journal of Political Affairs. — 2024. — Iss. 9. — P. 79–98.

*О. С. Бочарова, кандидат юридических наук, доцент
Р. М. Пыталев, кандидат юридических наук, доцент
Филиал РГСУ в г. Минске*

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ЗНАНИЙ ПО ОСНОВАМ ВОЕННОЙ ПОДГОТОВКИ КАК БАЗИС ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ: ОПЫТ РОССИИ

В XIX в. знаменитый прусский фельдмаршал, один из архитекторов объединения Германии, Г. фон Мольтке произнес фразу, которой суждено было пережить и его самого, и целые эпохи: «Войны выигрывают не генералы, а школьные учителя и приходские священники».